
ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.018.2

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТРОСПЕКЦИЯ В XXI ВЕКЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФЕНОМЕНЫ МЕТОДОЛОГИИ*****С.В. Вайнштейн***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: psytab@psu.ru

Очерчиваются несколько историко-методологических контекстов интроспекции в психологии. Рассматривается использование интроспекции в современных психологических исследованиях (2000-2010 гг.). Предлагается понятие повествовательной интроспекции для обозначения феномена, возникающего на границе рефлексивной психологической эссеистики и дискурсе-аналитической методологии. Имманентная рефлексивность и трансцендентальная интерсубъективность определяются в качестве философских предпосылок метода повествовательной интроспекции.

Ключевые слова: интерсубъективность; интроспекция; методологическое различие; рефлексия; философские проблемы психологии

**Историко-методологический фон
интроспекции**

Интроспекция как прикладной и практический метод психологии в начале XXI в. подвергалась разнообразным верификациям. Демонстрировались позитивные эвристики интроспекции и как метода сбора эмпирических данных [11; 30], и как прикладной психологической техники [19; 28], и как дидактической методики [2]. При этом сложно однозначно утвердить целостность интроспективной методологии и выявить единый тренд исторического развития идеи интроспекции.

Интерес к истории и общеметодологической функции интроспекции выражен в ряде публикаций первого десятилетия. Проводилось изучение мотивов экспериментальной психологии В.Вундта при установлении взаимосвязи

рефлексии и интроспекции [12]. Отстаивалась позиция, согласно которой интроспекция никогда не являлась ведущим методом психологии, но и никогда не уходила из нее [20]. Рассматривались истоки интроспекции в философской психологии и физиологии [6]. На отечественном историко-психологическом материале XIX-XX вв. было показано движение идеи интроспекции в контексте субъективной и объективной традиций в психологии [4]; изучалось соотношение интроспекции и экстраспекции [13], интроспекции и интерпретации [36] и вновь осмыслились психологические и философские категории, определяющие функцию интроспекции по отношению к сознанию [3; 9; 38].

На протяжении второй половины XX в. неоднократно предпринимались исследования истории интроспекции. Например, термин «ин-

интроспективная психология» обозначался как вводящий в заблуждение в связи со своим широким значением, охватывающим разнообразные точки зрения на теорию и практику интроспекции [22]. Предлагались определения интроспекции как воспроизведения восприятия, предполагающие окончательное исчезновение интроспекции из проблемного поля когнитивных наук [31]. Эти попытки встречали сопротивление сторонников выдвижения интроспекции на центральное место в психологии, поддерживающих этическое обоснование интроспекции и скептически относящихся к аргументам против интроспекции [26].

Безусловно, самым ярким событием в историографии психологической интроспекции стало исследование Э.Г.Боринга середины прошлого века [16], завершённое выводом о «растворении интроспекции» в разнообразных методологических решениях своего времени. Была констатирована «смерть» интроспекции в своей классической форме лабораторной процедуры, проводимой подготовленными исследователями. Этот метод, согласно классике истории психологии, реализовывал укоренённую в картезианском дуализме и эмпирической философии Нового времени концепцию сознания. Соответственно, вместе с аналитической интроспекцией, фактический конец которой отождествлялся со смертью Э.Б.Титченера в 1927 г., среди теорий психического первой половины XX в. растворялся и психологический интерес к сознанию. При этом отмечался позитивный вклад этих процессов в историю науки: «Результат интроспекции – сознание – показывается сегодня в формах собственного наследия (bodies of its progeny)» [Там же. С.187]. Различение непосредственного опыта и логического вывода (inference) выступает у Боринга в качестве конституированной интроспективным сознанием дихотомии.

Впрочем, и сам автор аналитической (структурной) интроспекции заметил нечто по-

добное по завершению своего масштабного проекта в Корнелльском университете. В статье 1921 г. [39] проблема «двойных стандартов» научной психологии была определена как принципиальная несовместимость методологических проектов В.Вундта и Ф.Брентано, соответственно экспериментальной и эмпирической психологии.

Указанные оппозиции, на наш взгляд, представляют проблему *методологического различия*. Сегодня эта проблема наиболее обобщённо фиксируется теоретической и практической психологией как различие между эксплицитной и имплицитной методологией, явным и неявным знанием (напр., [5; 15]). Здесь для нас не имеет значение, какие конкретно-исторические источники фундируют разнообразные формулировки этого различия: Л.Выготский, Ж.Пиаже, М.Полани, или, скажем, М. Фуко. Имеют значение современные экспликации различных способов высвечивания путей познания психического, которые не столько маркируют хронический характер проблемы, сколько вновь возвращают к фундаментальным вопросам психологии.

В каких бы терминах не формулировалась методологическое различие психологии, оно остаётся в рамках логики антиномий, лишь иногда становясь трехчастной синтетической структурой (напр., интроспекция – экстраспекция – диалог [13]), но каждый раз распадающейся на самобытные феномены. Рассмотрим эти актуальные феномены, удерживая при этом историко-методологический фон, на котором они фигурируют.

Феномены психологической интроспекции в современности

В 2006 г. журнал *Consciousness and Cognition* выпустил тематический номер, посвящённый интроспекции. Этот номер объединил в себе статьи по проблемам научной легитимности интроспекции [21; 33]; роли интроспективных отчетов в качественных [27] и количественных

[36] исследованиях сознания; отношения самосознания к эксплицитному знанию [37]; объективного и субъективного подходов к изучению имплицитного знания [25] и т.д. Содержание этого выпуска не только указывает на взаимосвязь проблемы интроспекции с рядом существенных методологических вопросов психологии, но и отражает в общих чертах современное многообразие трактовок этого термина.

Давняя история конфронтации идеи интроспекции (Дж. Локк) и идеи бессознательного (Г.В.Лейбниц) также находит свое воплощение в этом номере. Здесь опубликованы результаты психофизиологического исследования интроспекции [34] с использованием электроэнцефалографического метода событийно-связанных вызванных потенциалов (Event-related brain potentials - ERP). Ученые манипулировали типами инструкций (интроспективной и неинтроспективной) в заданиях на обнаружение скрытого символа, что позволило зафиксировать значимые различия в психофизиологических показателях, порождаемых различными инструкциями. При этом различия касались показателей как сознательных, так и предсознательных процессов.

Наряду с включением интроспекции в качестве переменной в экспериментальный дизайн, сегодня прилагаются усилия для ее исключения из экспериментов. Ограничения интроспективного изучения сознания по-прежнему упоминаются при разработке концепта бессознательного. Так, для изучения бессознательных эмоциональных реакций в их взаимосвязи с базовыми потребностями и мотивацией (жажда, голод) и осознанными эмоциями и эмоциональными состояниями предлагаются задачи с подпороговым предъявлением стимула [40].

Другое конкретно-научное исследование границ интроспективного сознания представлено в журнале *Cognition*. В мае 2010 г. были опубликованы результаты сопоставления объективных и субъективных измерений времени

реакции на различные по модальности стимулы [32]. Исследователи стремились точно описать «слепое пятно» интроспективного метода. Статья вышла с подзаголовком «Реконструкция феноменологии двойной задачи с использованием количественной интроспекции». *Количественная интроспекция* определяется здесь как сбор «точных количественных данных о таких субъективных переменных, как видимость стимула, расположение, длительность и т.д.» [Там же. С. 303-304]. Кроме того, использовался классический метод объективного измерения времени реакции. После задания на калибровку громкости звука и тренировочной серии ставилась задача различения кратковременно и последовательно предъявляемых звуковых и визуальных стимулов. Затем в случайном порядке предлагалось ответить на четыре интроспективных вопроса, отметив на шкале длительность своей реакции на предъявления звукового и визуального стимулов, промежуток между их предъявлениями и последовательность предъявлений. Таким образом, сопоставлялись замеры двигательных и интроспективных реакций (introspective responses). Результаты эмпирического исследования показали высокие положительные корреляции между аппаратной (объективной) и интроспективной (субъективной) оценками психологического времени реакции, хотя испытуемые систематически недооценивали собственное время реакции (в среднем на 300 мс). При этом «слепое пятно» количественной интроспекции в очередной раз утвердилось (вслед за [20]) как невозможность оценки длительности времени реакции на стимул, следующий с коротким интервалом после предъявления первого стимула (психологический рефрактерный период). Также ограничения интроспекции дополнились искажением восприятия вариации интервалов предъявления стимулов (stimulus onset asynchrony) и задержкой реакции (slack time). Тем не менее удалось реконструировать последовательность осозна-

ваемых событий, отражающих психологический рефрактерный период. Другой важный эмпирический факт – порядок предъявления интроспективных вопросов не влияет на точность ответов.

В рассмотренной работе авторы выстраивают гипотезы и обсуждают результаты в рамках трехэтапной модели центральной интерференции. Теоретический прогресс здесь скромный, так как подобные гипотезы тестируются уже достаточно длительное время (см. [7]), но эмпирика количественно насыщена. Положительное методологическое значение современной количественной интроспекции в углублении разработки явления психологического рефрактерного периода (*psychological refraction period*), оформляющую одну из современных парадигм в психологии познания. Современный психологический эмпиризм напоминает больше экспериментальный подход Вундта, чем эмпирический проект Brentano.

Эмпирическому изучению «слепых пятен» интроспективного метода в когнитивных исследованиях сознания сегодня противостоит гипостазирование «светлых пятен сознания» [9]. «Светлые пятна сознания» – метафора И.П.Павлова – интерпретация более высокой локальной возбудимости в пунктах коры полушарий, в которые адресовались осознаваемые зрительные или вербальные сигналы, чем во всех остальных участках коры (эксперименты школы Е.И.Бойко). Легитимность сознания и интроспекции здесь конституируется в теоретико-методологической рефлексии и философских спекуляциях, что традиционно для российской психологии [4]. Показательны следующие фрагменты: «Если согласиться с классическим определением сознания как восприятия человеком того, что происходит в его собственном уме, а шире – в его собственной психике, то нельзя не признать справедливости понятия интроспекции в его буквальном значении как “смотрении внутрь”» [9. С.15]. При этом

«смотрение внутрь» на собственную психику не является непосредственным, а требует участия специальных процессов, исторически маркируемых понятием рефлексии. Также утверждается, «что сознание в смысле обращения к собственной психике сущностно необходимо для того, чтобы сообщать о ней другим людям» [Там же. С.16-17]. Здесь можно отследить еще одно, наряду с самосознанием, субъективностью и рефлексией, активно исследуемое философское наследие психологии, а именно проблему Другого Я и интерсубъективности. На интроспекцию при этом возлагается роль мессии в избавлении от картезианского дуализма: «Можно надеяться, что (...) включив интроспекцию и явления сознания в систему естественнонаучных взглядов, психология сможет наконец обрести свой предмет и теоретическое единство» [Там же].

В данном случае дихотомия естественных и гуманитарных наук остается парадоксальным контекстом доверия к интроспекции как гаранту сохранения сознания и, следовательно, субъекта деятельности в психологии. В контексте цитированной работы само возвращение к проблематике, столь свойственной эмпирической философской психологии Дж.Локка и Д.Юма, может выглядеть как регресс. Особенно если заметить, что 30 лет назад этот же автор отстаивал позицию, согласно которой субъективизм и интроспекционизм «не только не ведет к познанию природы психического, но даже уходит все дальше и дальше от (...) души и душевной деятельности» [10. С. 21]. Тем не менее, предпочтительнее увидеть здесь симптом нового обострения неудовлетворенности классической дихотомией, амплификация которого может «взорваться во вне» перспективными теоретико-методологическими решениями.

Оба рассмотренных выше исследования, несмотря на существенные различия, обнаруживают сходство в определенности самих формулировок проблем различия души и тела и

подчеркивают единство интроспекции и рефлексии. В первом случае интроспективная оценка кратковременных интервалов предполагает обращение к прошедшим восприятиям времени, во втором – открыто декларируется опосредующее отношение рефлексии к интроспекции.

Отмеченная артикуляция взаимосвязи интроспекции и рефлексии доходит до их полного отождествления в практической психологии. Так, интроспективное путешествие разворачивается как рефлексия экзистенциальным терапевтом личной философии практики, т.е. своей концептуализации клиентов, целей терапии и терапевтического присутствия [14]. Наложение, пересечение и взаимопроникновение «там и тогда» и «здесь и сейчас» в психотерапевтической эссеистике становится интроспективным актом экзистенциального самопознания, раскрывающим терапевту его допущения, ценности и убеждения. Здесь интроспекция смыкается с собственным литературно-художественным пониманием [8], в котором вновь возвращается к самой себе как философско-психологическому понятию.

В психологические проблемы речи и языка интроспекция проникает в исследования периодов молчания в самоотчетах испытуемых в контексте экспериментальных лабораторных процедур [43]. Интроспекция операционализируется как повествование об актуально разворачивающемся процессе мышления и состояниях сознания, т.е. как ментальный нарратив (*mentation narrative*). Выдержки из транскриптов разговоров испытуемого с экспериментатором иллюстрируют влияние контекста получения интроспективных данных на организацию пауз в самоотчетах. Авторы заключают, что распределение молчания (*management of silences*) в ментальных нарративах перспективно для выявления ряда прагматических характеристик сознания. А именно: неявного, молчаливого понимания требований, относящихся к зада-

че или институциональным условиям ее выполнения; форм осознания обыденных описаний методов познания и оценок нормативных поведенческих ожиданий [Там же. С.401].

Два последних случая позволяют сформулировать понятие о *повествовательной интроспекции*, локализованной в регионе «гуманистической и гуманитарной» психологии и направленной на качественную экспликацию когнитивных режимов в разнообразных дискурсивных практиках. Повествовательную интроспекцию как исследовательский и развивающий метод, на наш взгляд, следует отличать от процедур сбора данных, в которых интроспекция используется лишь как повод для интервью.

Например, в исследованиях измененных состояний сознания [1] использовалась интроспективная сенсбилизация, воспроизводящая аналитическую интроспекцию Титченера. Инструкция в экспериментальной (интроспективной) группе побуждала испытуемых принять взгляд на мир, «при котором из воспринимаемого исключается все имеющее отношение к свойствам самих воспринимаемых объектов, к их значениям и смыслам» [Там же. С.74]. Также предлагалось расслабиться и не двигаться. Приводились примеры подобного видения мира, т.е. инструкция была обучающей. Здесь аналитическая интроспекция накладывалась на состояние кратковременной сенсорной депривации, т.е. комбинировалась с дополнительным экспериментальным воздействием. Далее проводилось интервьюирование с последующей транскрипцией (без учета интонационных и паравербальных составляющих) и категоризацией высказываний испытуемых. Безусловно, здесь мы также имеем дело с экспериментальным дискурсом, но он не становится специальным предметом научной рефлексии, а выполняет лишь вспомогательную, инструментальную функцию.

В качестве примера исследований, достаточно близких к нашей формулировке повествовательной интроспекции, можно отметить работу по изучению особенностей интроспективного познания внутреннего мира профессиональным психологом [11]. Отличие состоит в сосредоточении исследовательского внимания на содержании текстов и количественных самоотчетов. При этом динамика текста как событийного движения речи и языка в конкретной исследовательской ситуации остается не тематизирована.

Повествовательная интроспекция, методологическое различие и интерсубъективность

Таким образом, повествовательную интроспекцию характеризует имманентная рефлексивность и, вероятно, некоторая трансцендентальная составляющая. Понятие имманентной рефлексивности, фундированное известным «*ego cogito*» Р.Декарта, проявляется не только в качественной методологии. Оно находит свое отражение в исследованиях с количественной интроспекцией в виде рефлексии имманентного. Вероятная трансцендентальная составляющая повествовательной интроспекции отсылает как минимум к двум людям и ситуации их взаимодействия, что позволяет предположить в качестве маркирующего термина интерсубъективность.

Эту гипотезу поддерживают разработки *групповой диалогической интроспекции* [19; 28; 29; 30]. Цель данного проекта: «повысить полезность и валидность (*речь идет прежде всего об экологической валидности. – СВ*) в приложениях интроспективного метода в (...) движении от классического (индивидуалистического) и вюрцбургского (тестировано-центрированного) исследования к новым формам исследовательского дизайна через диалогические понятия» [29. С.100]. Здесь ориентированная на совместность исследования качественная методология интегрируется с практическим значением

психологии в форме экспериментов, напоминающих по описанию некоторые техники психологической терапии. Подобный феномен в то же время просвечивался и в упомянутой интроспекции внутреннего мира психологов [11], где он носил характер индивидуального изучения в контексте онтологической схемы внутреннее/внешнее. Также «терапевтический феномен» можно заметить и в современных разработках *симпатической интроспекции* в рамках методологии глубинного интервью [41; 42]. Симпатическая интроспекция как метод предполагает вступление исследователя в непосредственный контакт с иным (предметом, человеком, вещью) и позволение этому иному пробудить в себе жизнь, схожую со своей собственной, для последующей рефлексии. «На этом пути он (*исследователь. – С.В.*) более или менее способен понять – всегда интроспективно – ... любой аспект человеческой природы, не полностью чуждый самому себе» [цит. по 41, с. 264]. Движение интроспективного сознания за пределы имманентной рефлексивности на территорию Я – Другой может быть отмечено в качестве еще одной исторической тенденции.

До тех пор, пока понятие трансцендентальной интерсубъективности остается гипотезой, мы остаемся заложниками методологического различия. Более того, пока мы помещаем сам процесс постановки проблемы в когнитивную схему «генерирования-и-тестирования гипотез», возводимую сегодня к Г.Рейхенбаху, К.Попперу и У.Селларсу [18], мы рискуем потерять сам повествовательный компонент. Данная схема науки также фундирована биполярной онтологией «содержания и сознания» с соответствующим эпистемологическим недоверием к качеству (*qualia*) [24]. Подобный путь укореняет нас в методологическом различии, несмотря на продуктивность отдельных направлений движения по нему. В отношении интроспекции здесь имеются перспективы, на наш взгляд, только как у метода сбора данных.

Другим путем является нейрофеноменология как «рефлексивное изучение разворачивающегося субъективного опыта» [23. С.393], направленное на преодоление «несоответствия между риторикой психиатрии как дисциплины, основанной на “объективных” доказательствах, и фактическое доверие к интроспекции и субъективным отчетам» [Там же. С. 381]. Этот метод, восходящий к Э.Гуссерлю, критикуется сегодня представителями подхода, затронутого выше. Отдавая должное феноменологическому взгляду от первого лица, критики указывают на гетерофеноменологию взгляда от третьего лица (формулировка Д.Деннетта). Тем не менее и они признают феноменологическую установку в качестве ключа к индивидуальной перспективе (first person perspective) [Там же. С.394]. Асимметрия между первым и третьим лицом конституирует изучение интроспективных эффектов взаимосвязи обоснования и самопознания в индивидуальном сознании, где указанная асимметрия концентрируется в проблеме власти первого лица (first-person authority) [17]. Здесь мы также остаемся в «различии между опытом самим по себе и вербальным или рефлексивным описанием этого опыта» [23. С. 397].

Итак, методологические проблемы современной психологии повсюду обнаруживают оппозиционное позиционирование содержания фундаментальной философской проблематики. Философские проблемы нуждаются в философской разработке, равно как и философские задачи требуют философских решений, всегда находящихся «по ту сторону» конкретно-научных норм и идеалов. Соблазн преодолеть непреодолимый предел в акте трансгрессии велик, но рискует обернуться очередным «карнавалом видимостей», которыми так богата психология наших дней, особенно практическая. В качестве продуктивной линии разработки методологического различения, соразмерной проблеме и удерживающей взаимосвязь с консти-

туирующими саму проблему традициями, представляется воспроизведение и пересмотр трансцендентальной интерсубъективности. Важны соприкосновения, пересечения, взаимопроникновения традиций и, особенно зазоры между ними. Параллельно необходимо методическое развитие повествовательной интроспекции, пусть пока что ограниченное имманентной рефлексивностью. Эти вопросы ставят исходные точки и определяют направления для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Гордеева О.В. Аналитическая интроспекция и кратковременная сенсорная депривация как методы изменения состояния сознания // *Вопр. психол.* 2005. №6. С.72 - 81.
2. Ейт Н.А. Интроспекция как метод инициации смыслообразования в учебном процессе: дис. ... канд.пед.наук. Новочеркасск, 2009. 176 с.
3. Ждан А.Н. Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // *Методология и история психологии.* 2009. Т.4, вып.1 С. 47-60.
4. Левченко Е.В. История интроспекции в России (конец XIX начало XX вв.) // *Методология и история психологии.* 2007. Т.2, вып. 2. С.54-67.
5. Левченко Е.В. О перспективах разработки методологии историко-психологического исследования // *История отечественной и мировой психологической мысли: материалы Междунар. конф. по истории психологии 26-29.06.2006 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А.Кольцова, Ю.Н.Олейник.* М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. С. 96-98.
6. Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (интроспекция) // *Методология и история психологии.* 2007. Т.2, вып. 1. С.61-85.
7. Фаликман М.В. Динамика внимания в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 30 с.
8. Федотова О.С. Истоки представления об интроспекции персонажа // *Вест. Челяб.гос.ун-та. Серия 34. Филология. Искусствоведение.* 2009. Вып. 36. С. 131-135.
9. Чуприкова Н.И. Интроспекция и явления сознания в системе естественнонаучной психологии // *Вопр. психол.* 2010. №2. С.3-20.
10. Чуприкова Н.И. Теория отражения, рефлексор-

- ная деятельность мозга и осознанные ощущения человека (к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина) // *Вопр. психол.* 1980. №4. С.10-22.
11. *Шиленкова Н.А.* Метод интроспекции в познании внутреннего мира психолога: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2003. 234 с.
 12. *Яновский М. И.* Место метода самонаблюдения (интроспекции) в психологии // *Вопр. психол.* 2001. №1. С. 91-96.
 13. *Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // *Методология и история психологии.* 2007. Т. 2. №1. С. 207-226.
 14. *Badiee M.* On the Road to Being: My Personal Journey into Existential Theory // *Journal of Humanistic Psychology.* 2008. №48. P. 477-488.
 15. *Berg E.M.* Clinical Practice: Between Explicit and Tacit Knowledge, Between Dialogue and Technique // *Philosophy, Psychiatry, & Psychology.* 2008. Vol.15. №2. P. 151-157.
 16. *Boring E.G.* A history of introspection // *Psychological Bulletin.* 1953. Vol. 50. P. 169-189
 17. Издание на рус. яз.: Боринг Э. История интроспекции // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1991. №2. С. 61-72; №3. С. 54- 63.
 18. *Bortollotti L.* The Epistemic Benefits of Reason Giving // *Theory Psychology.* 2009. Vol.19. P. 624-645.
 19. *Brook A.* Introduction: Philosophy in and Philosophy of Cognitive Science // *Topics in Cognitive science.* 2009. Vol. 1. P. 216-230.
 20. *Burkart T.* The role of the researcher in group-based dialogic introspection // *The Role of the Researcher in Qualitative Psychology / Ed. by M. Kiegelmann.* Tubingen: Verlag Ingeborg Huber. 2002. P.100-108.
 21. *Corallo G., Sackur J., Dehaene S., Sigman M.* Limits on introspection: Distorted subjective time during the dual-task bottleneck // *Psychological Science.* 2008. Vol.19. P.1110-1117.
 22. *Costall A.* 'Introspectionism' and the mythical origins of scientific psychology // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P. 634-654.
 23. *Danziger K.* The history of introspection reconsidered // *Journal of the History of the Behavioral Sciences.* 1980. Vol. 16, №3. P. 241-262.
 24. *Den Boer J. A., Reinders S. and Glas G.* Special Section: On Looking Inward: Revisiting the Role of Introspection in Neuroscientific and Psychiatric Research // *Theory Psychology.* 2008. Vol. 18, №3. P. 380-403.
 25. *Dennett D.C.* The part of cognitive science that is philosophy // *Topics in Cognitive science.* 2009. №1. P. 231-236.
 26. *Gaillard V., Vandenberghe M., Destrebecqz A., Cleeremans A.* First- and third-person approaches in implicit learning research // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P. 709-722.
 27. *Howe R.B.K* Introspection: A reassessment // *New Ideas in Psychology.* 1991. Vol. 9, №1. P. 25-44.
 28. *Johansson P., Hall L., Sikstrom S., Tarning B., Lind A.* How something can be said about telling more than we can know: On choice blindness and introspection // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P 673-692.
 29. *Kleining G.* An experiment demonstrating group-based dialogic Introspection // *The Role of the Researcher in Qualitative Psychology / Ed. by M. Kiegelmann.* Tubingen: Verlag Ingeborg Huber, 2002. P. 208-213.
 30. *Kleining G., Mayer P.* Roles of researchers in historical introspective psychology // *ibid.* P. 100-108.
 31. *Kleining G., Witt H.* The qualitative heuristic approach: A methodology for discovery in psychology and the social sciences. Rediscovering the method of introspection as an example // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum Qualitative Social Research [On-line Journal], 1.* URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/1-00/1-00kleiningwitt-e.htm> (дата обращения: 12.10.2010).
 32. *Lyons W.E.* The Disappearance of Introspection. Cambridge: MIT Press, Bradford Books, 1986. 193 p.
 33. *Marti S., Sackur J., Sigman M., Dehaene S.* Mapping introspection's blind spot: Reconstruction of dual-task phenomenology using quantified introspection // *Cognition.* 2010. Vol. 115, №2. P. 303-313
 34. *Overgaard M.* Introspection in Science // *Consciousness and Cognition.* 2006. Vol. 15, №4. P. 629-633
 35. *Overgaard M., Koivisto M., Sorensen T.A., Vangkilde S., Revonsuo A.* The electrophysiology of introspection // *Ibid.* 2006. P. 662-672.
 36. *Overgaard M., Rote J., Mouridsen K., Zoega Ramsoy T.* Is conscious perception gradual or dichotomous? A comparison of report methodologies during a visual task // *Ibid.* 2006. P. 700-708.
 37. *Petty R.E, Brinol P.* Introspection and interpretation: Dichotomy or continuum? // *Behavioral and Brain Sciences.* 2009. Vol. 32, №2. P.157-158.
 38. *Pinku G., Tzelgov J.* Consciousness of the self

- (COS) and explicit knowledge // *Consciousness and Cognition*. 2006. Vol. 15, №4. P. 655-661.
39. *Sturm T., Wunderlich F.* Kant and the scientific study of consciousness // *History of the Human Sciences*. 2010. Vol.23. P. 48-71.
40. *Titchener E.B.* Brentano and Wundt: Empirical and Experimental Psychology // *American Journal of Psychology*. 1921. Vol.32. P.108-120.
41. *Winkielman P., Berridge K.C., Wilbarger J. L.* Unconscious Affective Reactions to Masked Happy Versus Angry Faces Influence Consumption Behavior and Judgments of Value // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. P. 121-135.
42. *Witz K.G.* The Participant as Ally and Essentialist Portraiture // *Qualitative Inquiry*. 2006. Vol. 12, №2. P. 246-268.
43. *Witz K.G.* "Awakening to" an Aspect in the Other On Developing Insights and Concepts in Qualitative Research // *Qualitative Inquiry*. 2007. Vol. 13, №2. P.235-258.
44. *Wooffitt R., Holt N.* Silence and its organization in the pragmatics of introspection // *Discourse Studies*. 2010. Vol.12. P. 379-406.
-

PSYCHOLOGICAL INTROSPECTION IN XXI CENTURY: HISTORICAL TENDENCIES AND METHODOLOGICAL PHENOMENA

S.V. Weinstein

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The article outlines several historical and methodological dynamic scopes of introspection in psychology. Introspective applications in modern psychology (AD 2000-2010) are examined. Narrative introspection introduced as phenomenon emerging at the border of reflective psychological essays and methodology of discourse analysis. Immanent reflexiveness and transcendental intersubjectivity are defined as philosophical premises of the narrative introspection.

Keywords: intersubjectivity; introspection; methodological difference; reflection; philosophical problems of psychology